

# “РАССКАЗ” И “РАЗГОВОР”: МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ТЕКСТЫ В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Лубочные картинки, дешевые книги, ежедневные газеты, городские праздники нередко рассматриваются как явления одного порядка, объединенные эстетикой примитива. Соотнесенные эстетически, они заполняют нишу обыденной культуры наряду с другими формами повседневного человеческого общения – разговорами со знакомыми, прогулками, посещениями трактиров или других публичных мест.

Для определения бытования лубочной картинки в городской народной среде было бы небезинтересно обрисовать некоторый речевой (говорной) контекст. Как отметил А.Ф. Белоусов, “основное место в устной словесности города занимает говорение”<sup>1</sup>. Жанры фольклорного говорения могут быть различными – в зависимости от ролевого поведения участников, содержания и сюжета текста, наличия установки на достоверность.

Русская культура до конца XIX века сохраняла, как в деревенском, так и в городском своем варианте, основные черты традиционности. Кроме сословного деления общества, оставались четкими границы основных половозрастных групп (хотя существовали, как и во всяком обществе, маргинальные группы и обособленные личности – нищие, солдаты, монахи и т.д.). Основными группами были:

- 1) незамужняя-неженатая молодежь;
- 2) женатые мужчины, пожилые мужчины;
- 3) замужние женщины, пожилые женщины.

Возможности и условия общения внутри и между этими группами также были регламентированы (иногда неявно, но строго) традицией.

<sup>1</sup> Белоусов А.Ф.  
*Городской фольклор*.  
Таллин, 1987. С. 19.

Это касалось возможных мест встреч, одежды участников общения, тем для разговоров и, если остановиться на словесных формах – речевых жанров, сюжетов, ролей. На материале текстов московских легенд, слухов и сплетен, бытописаний и мемуаров москвичей и провинциальных авторов второй половины прошлого и начала нынешнего столетий мне хотелось бы представить несколько форм коллективного общения в основном неаристократической части городской публики: мужскую – *в кабаке* (куда не пускались женщины и солдаты), женскую – *дома и в церкви*, общую – *на улице и ярмафже* (например, для бытования лубка важно место его продажи, где всегда толпился народ и находился человек, готовый побалагурить). На примере анализа этих форм коллективного общения горожан мне хотелось бы показать различие в мужском и женском речевом поведении и влиянии этого различия на фольклорные жанры. Анализ их тематики и сюжетов позволит провести некоторые параллели и с изображениями лубочных картинок.

### ТРАКТИР

Трактиры можно назвать самыми “мужскими” местами в городе в прошлом и начале нынешнего века. Общизвестно, что туда не пускали женщин, иногда исключение составляли “свои” женщины<sup>2</sup>, которые обслуживали посетителей в отдельных кабинетах и в общие залы

не допускались. Московский бытописатель Павел Иванович Богатырев напоминает, что “трактиры посещали только мужчины, а женщины устраивали у себя дома вечеринки в подходящее для этого время”<sup>3</sup>.

Как же проводили время мужчины в трактирах? Во-первых, они там сели, и если так, что попадали на страницы “Происшествий” в газетах (где сообщалось, например, что кутицы 1-й и 2-й гильдий съели на спор по полтораста блинов и скоропостижно скончались<sup>4</sup>), фельстонов; во-вторых, деловые люди – кутицы, подъячие, промышленники, издатели – совершали там сделки; в-третьих, проводили время за питием чая, горячительных напитков и “мужским разговором”. “Как только отириали лавки, соседи собирались в ряду кучками и сообщали разные новости, а то так просто рассказывали друг

другу, как кто вчера провел время. Такие соседские беседы назывались “ческой” – продолжать ее или компанией в трактире, где за час сидели два-три часа. Затем уходили в свои лавки. Побыв в них недолго, собирались кучками и опять уходили в трактир”<sup>5</sup>, – вспоминает

<sup>2</sup> Собственно говоря, такое обслуживание не входило в набор услуг, предоставляемых трактирами. Для этого существовали публичные дома, которые до некоторого времени были вполне легальными.

<sup>3</sup> Богатырев П.И. *Московская старина//Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия*. – М., 1989. С. 166.

<sup>4</sup> Шнейдер И. *Записки старого москвича*. – М., 1970. С. 80.

<sup>5</sup> Слонов И.А. *Из жизни торговой Москвы//Московская старина...* С. 238.

один из мемуаристов. Трактир удовлетворял практически все мужские потребности: и в деловой активности, и в саде, и в обществе.

Помимо календарной обрядности<sup>6</sup> и трактирного этикета существовал целый пласт тем и сюжетов, бытавших именно в "мужских домах". Этикет прежде всего касался отношения служащих и публики: при общем правиле "разговаривать с посетителями внимательно, с серьезным лицом, как бы слегка согнувшись для поклона"<sup>7</sup> во многих воспоминаниях приводятся факты того, что поченные трактирщики и половые (метрдотели) имели право на свое мнение и "гордость" ("чисто купеческой привычкой насмехаться и глумиться над беззащитными некоторые половые умело пользовались. Они притворялись оскорблёнными и выуживали "на чай")<sup>8</sup>. Некоторые трактирные фокусы с обсчетом входили в поговорку и, как ни странно, не вызывали негодования со стороны обсчитываемого. Например, московская поговорка "Ты мне Петра Кириллыча не заправляй!" увековечила имя полового московского Егоровского трактира. Тот умел так облапонить посетителя, что товарищи-половые учились у него мастерству: "С вас-с... вот, извольте видеть. По рюмочке три рюмочки, по гравенничку три гравенничка — тридцать, три пирожка по гравенничку три гравенничка — тридцать, три рюмочки тридцать. Паниросок не изволили спрашивать? Два рубля тридцать"<sup>9</sup>. Подобная бессмыслица и заморочивание головы имели место не только в целях обсчета, но и в целях создания ареала значимости и важности. М.И. Пыляев, описывая быт и привычки купечества, отмечал, что "купцы за особое качество ума считали бестолковость в разговорах: речь их иногда делалась совсем непонятной от излюбленной пословицы, которую они употребляли без всякой надобности, почти через несколько слов...", чтобы "тем дать знать, что он, как говорится "сам себе на уме"<sup>10</sup>. Общаешься при помощи нанизывания клише на несуществующую нить смысла, купец создавал иллюзию длительного и обстоятельного монолога.

Особый сюжет в трактирной прозе составляли рассказы о трактирщиках-разбойниках, грабивших пьяных посетителей. О московском рестораторе И.А. Скалкине говорили: "Пьяным гостям — отец родной. Разденет, разует, причешет, спать уложит, с фонarem, чтоб не темно идти было, домой проводит. Благодетель московский. Ему, говоривают, да приставу нашему — памятники, как Пушкинским, на бульварах поставят, ждут, когда оба помрут!"<sup>11</sup>

*"Московские трактиры отмечали Масленицу как профессиональный праздник – половые подносили посетителям поздравительные карточки со стихами и рисунком на масленичный сюжет, в стихах содержалось напоминание о самих служителях:*

*Все служители мы рады  
Что вам весело сейчас,  
И, конечно, уж награды  
Вам не жаль теперь для нас.*

(Белоусов И.А. Ушедшая Москва // Московская старина... С. 366).

<sup>6</sup> Иванов Е.П. Меткое московское слово. – М., 1985. С. 293

<sup>7</sup> Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Минск, 1980. С. 215

<sup>8</sup> Там же. С. 110.

<sup>9</sup> Пыляев М.И. Старый Петербург. М., 1990. С. 339.

<sup>10</sup> "Записано в 1914 году от встречавшего в Москве рестораторного официанта"// Иванов Е.П. Указ соч. С. 296.

<sup>11</sup> Гиляровский В.А.  
Указ. соч. С. 103.

<sup>12</sup> Слонов И.А.  
Из жизни торговой  
Москвы // Московская  
старина... С. 231.

<sup>13</sup> Кузнецов С.  
Литературная  
поэтизация:  
памяти умирающего  
жанра // НЛО. № 22  
(1996). С. 428.

<sup>14</sup> Иванов Е. Указ.  
соч. С. 288.

<sup>15</sup> Там же. С. 110.

<sup>16</sup> Баранов Е.З.  
Московские легенды.  
Вып. 1. – М., 1928.  
С. 39.

Так же входили в легенды трактирные, а позднее ресторанные ку-  
печеские кутежи. В знаменитом “Эрмитаже” “из кабинетов особенно  
славился красный, в котором московские прожигатели жизни ученую  
свинью у клоуна Танти съели”<sup>12</sup>, заплатив за это 2000 рублей. По воспо-  
минаниям московского купца И.А. Слонова, в подвале трактира Буб-  
нова, в так называемой “бубновской дыре”, “эти “троглодиты” (име-  
ются в виду гостинодворские купцы. – И.В.) без воздуха и света  
чувствовали себя прекрасно, потому что за отсутствием женщин там  
можно было говорить, петь, ругаться и кричать громко и откровенно  
о самых интимных и щекотливых предметах”<sup>13</sup>.

То, что применительно к литературе и кино называется порно-  
графией и не без основания относится к специфически мужским жан-  
рам<sup>14</sup>, в антропологии считается частью мужского обряда посвящения  
и вообще способом мужской идентификации. Поэтому вполне законо-  
мерно, что частыми аттракционами в трактире-ресторане было “купа-  
ние в шампанском”, которое требовало “ванны, в которой должна была  
“плавать” среди воли вина какая-либо лишенная покровов женщина”,  
“но и этим озорничаньем, – по выражению полового Павлова, – не  
ограничивалась фантазия организаторов. Были и другие, о которых  
неуместно говорить в печати”<sup>15</sup>.

Кроме бесчинств и озорства бытовали предания о торговой сме-  
калке, спасшей дело, нечто вроде пособия начинающему предприни-  
мателю. Например, легенда о появлении филипповских саек с изюмом  
рассказывается до сих пор. Поскольку трактиры и чайные предпочи-  
тали иметь свою публику, то в одних собирались купцы-гостинодвор-  
цы, в других – издатели лубочной литературы (трактир Колтушина  
на Лубянской площади) или антикварии (трактир “Сокол” у Цветного  
бульвара, где “около пузатого раскаленного чайника велись бесконеч-  
ные беседы о всякого рода диковинных вещах, чаще же всего о при-  
ключениях во время поездок в провинцию”<sup>16</sup>).

Среди рассказов о “проектных домах” и кладах особо популярной  
была легенда про князя Хилкова, купленную им Брюсову книгу и собра-  
ние раритетов, погубившее его хозяина. Коллекцию такого рода москов-  
ских легенд собрал в начале XX века Е.З. Баранов. Помимо разнообраз-  
ных сюжетов, которые представлены в нескольких вариантах по всем  
правилам современной фольклористики, Баранов дает сведения о ситуа-  
ции рассказывания и о рассказчиках: “собирая в Москве, по таким мод-  
ным местам, как трактиры и харчевни, произведения устного народного  
творчества, я, в силу необходимости, избегаю делать дословные записи их,  
так как, в противном случае, вокруг меня создалась бы атмосфера подозри-  
тельности и недоверия, и меня стали бы сторониться, как зачумленного”<sup>17</sup>.

Таким образом Баранов записывал не только сами истории-сюжеты, но и то, как разворачивался разговор. Вот, например, беседа относительно названия “Марьина Роща”:

— Совершенно верно, — покорно согласился Василь-Ваныч. —...Про нее есть целый рассказ, история такая есть, да я занимался <...>

— Действительно, — заговорил он, пуская дым через ноздри, — была и Марья, только не эта дурацкая повелительница разбойников. И не одна была она <...> Тут — роман, книга, все подведено по порядку, все описано как следует с понятием и разумением, а не с ветру взято.

После такого вступления Отряха-мученик, подстрекаемый язвительными замечаниями (“Тоже, должно быть, бряхенька”, “Наболтать всяк может, а попробуй с умом рассказать”) большого любителя занимательных историй Васи, нашел нужным приступить к повествованию о том, с чего пошло название “Марьина Роща”<sup>18</sup>.

Наблюдение за мужским речевым поведением дают основание предположить, что основной единицей коммуникации служит “рассказ”, сюжетное повествование. Стереотип “мужского разговора” поддерживается в культуре отрицательным отношением участников к “женской логике” в повествовании и жизни. Один из наиболее колоритных рассказчиков, старик Кадушкин, высказывал весьма характерное для мужчин отношение к женским рассказам: “Как примутся илести... Особенно бабы — сороки эти. Они тебе настrekочат, только слушай. И откуда что берется. Сорочья порода. Только бы язык чесать”<sup>19</sup>.

В “трактирной” прозе и языке можно обозначить несколько особенностей: словесный этикет, регулирующий отношения между обслуживающими и клиентами, темы и характер бесед самих посетителей — профессиональные интересы и события, обсуждение “щекотливых” предметов, причем совершающее как можно громче, рассказы о своих и чужих подвигах на почве кутежей.

Представленные типы “мужского” речевого поведения соотносятся с такими содержательными типами лубочных картинок, как юмористические (сатирические и скабрезные), познавательные (новости) — о рыбё-ките, выловленной в Архангельске, исторические, соответствующие “мужским” интерьерам кабаков, трактиров и постоянных дворов.

## ДОМА И В ЦЕРКВИ

Тем временем “жены купцов не пили пива и не играли в шашки, но хозяйка дома свою гостью отводила потихоньку в спальню, как будто для разговора, и подносила там по чарочке тайком, пока не напаивала до пьяна”<sup>20</sup>. Так о чем, по большей части, разговаривали женщины?

<sup>18</sup> Московские легенды, записанные Евгением Барановым. — М., 1993. С. 97.

<sup>19</sup> Баранов Е.З. Московские легенды. С. 11.

<sup>20</sup> Ныляев М.И. Старый Петербург. С. 340.

Например, о пророках и юродивых, которых И.Г. Прыжов поставил в один ряд с дурами и дураками. В начале прошлого века был известен пророк, позднее канонизированный как местночтимый святой, Иван Яковлевич Корейши (могила в Храме Илии Пророка в Черкизове). Основную часть его почитателей составляли женщины, которых он врачевал различными способами — “девушек сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается, без сомнения, придавая тому и другому символическое значение”<sup>21</sup> и предсказывал будущее — “предсказания его и записочки всегда загадочны до отсутствия всякого смысла; в них можно видеть все и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются”<sup>22</sup>.

Объясняли записочки сами женщины: так на вопрос богатой купчихи из Рогожской о предстоящей помолвке дочери был ответ “Доски”, купчиха недоумевала, “А мы отвечаем ей, что не знаем, а сами думаем: как не знать, известно, что значит “доска” — гроб. Так ведь и сделалось: дочь-то у купчихи умерла”<sup>23</sup>. Среди женщин ходили рассказы о чудесном исцелении Иваном Яковлевичем безнадежно больных, об удачном устройстве им свадьбы или, наоборот, о предусмотрительном отказе в благословении брака с нечестным женихом и т.д. Смерть Корейши вызвала среди верующих целый ряд чудес и поминальных обрядов: “исалтырь читали монашенки, и от усердия некоторых дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благотворения... бабы провожали гроб всеми и причитаниями”. “московские купчихи завертывают в дорогие турецкие шали свечи и ладан, едут на могилу Ивана Яковлевича и, отдавая там свои дары говорят: “свечи и ладан напишу батюшке, а шаль — священнику”<sup>24</sup>.

Были и другие, менее почитаемые юродивые. Хотьковская затворница Марфа Герасимовна выходила из затвора чрезвычайно редко, но каждое ее появление истолковывалось как предвестие беды. Среди окрестных женщин начинался переполох — “и вот одна слышала звон на колокольне в полночь, другая сказала, что идет антихрист, пышет пламя из него и все-то попаляст”<sup>25</sup>. Когда же Марфа Герасимовна опять уходила в затвор, сидясь у своего окопечка, плела кружево и предсказывала, “споявятся купчихи и барыни теснятся у ее окопечка, ожидая ее по часу или по два... пришли и приехали они к ней просить благословения на брак дочери и получить знамение, то есть кружевца”<sup>26</sup>.

Каждое действие юродивой или пророка истолковывалось и обсуждалось сначала на месте, потом в кругу домашних и соседок. Свои личные религиозные переживания женщины тоже прежде всего

<sup>21</sup> Прыжов И.Г. 26 московских пророков, юродивых, дураков и другие труды по русской истории и этиографии. — СПб., М., 1996. С. 34.

<sup>22</sup> Там же. С. 35.

<sup>23</sup> Там же. С. 44.

<sup>24</sup> Там же. С. 42.

<sup>25</sup> Там же. С. 65.

<sup>26</sup> Там же. С. 65.

обсуждали в домашней обстановке. Вот эпизод из “Рассказов бабушки” Д. Благово.

“В то время как сестры гостили у меня, однажды утром сестра Анна Петровна и говорит мне:

— Сегодня я видела во сне, что кто-то говорит мне: “Вот и 1812-й год, а ты еще не в монастыре”.

— Это потому, что ты думаешь об монастыре, оттого тебе про это и снится, — говорю я ей.

— Нет, сестра, это опять мне напоминание.

Надобно сказать, что она еще в 1811 году видела во сне страшный суд, и тогда это ее очень поразило, и она положила идти в монастырь. Во время исприяния она оять подтвердила свое обещание, что, если Господь всех нас помилует от иогибели, непременно вступит в монашество; и тут вскоре она этот сон-то и увидела”<sup>27</sup>.

Обычное посещение приходской церкви давало местянкам и купчихам пищу для обсуждения: “посещение церкви имело не только смысл религиозный, но служило и к поддержанию общественного инстинкта, давая возможность видеться с соседями, перекинуться словечком со знакомыми, узнать местную новость, а дамам, кроме того, рассмотреть или показать новый покрой мантильи или модного цвета платье. <...> Всякое мелочное наблюдение было ценно и давало материал для расспросов и разговоров”<sup>28</sup>.

Понятно, что участницами разговоров были дамы замужние, поскольку девушки в семьях “с укладом” не имели права голоса ни в каких делах, кроме подготовки приданого и мечтаний о суженом. В купеческих староверческих семьях “женщины никому не прощали нарушения заветов старины, и ими, только ими и держалась дикая косность”<sup>29</sup>.

Основными темами женских разговоров были — предзнаменования, чудеса, устройства судьбы дочерей (их замужества), чудесные исцеления, моды и роды, болезни и смерти. “Женский разговор” как речевая конструкция состоит по большей части не из сюжетных высказываний, а из чередований утверждений — сообщение одной требовало истолкования собеседницей, наблюдение — обсуждения, предсказание — расшифровки. Впрочем, прошедшее время здесь вполне можно заменить настоящим. Современные лингвисты, анализируя женскую речь, приводят такие ее характеристики: “Основным в ее рассказе является не столько изложение внешней, объективной канвы событий, сколько сосредоточенность на раскрытии своих переживаний, эмоций и т.п. <...> Эмоциональность проявляется также в обилии контактоустанавливающих речевых сигналов. <...> То есть все повествование

<sup>27</sup> Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. — Л., 1989. С. 135.

<sup>28</sup> Виннилов Н.П. Из купеческой жизни // Московская старина. С. 281.

<sup>29</sup> Богатырев П.И. Московская старина // Московская старина. С. 135.

<sup>30</sup> Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. *Русский речевой портрет*. – М., 1995. С. 58, 95.

<sup>31</sup> Иванов Е. Указ. соч. С. 93.

<sup>32</sup> Пыляев М.И. *Старый Петербург*. С. 350.

<sup>33</sup> Давыдов Н.В. *Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия// Московская старина*. С. 25.

<sup>34</sup> Пыляев М.И. *Старая Москва*. – М., 1995. С. 8.

<sup>35</sup> Богатырев П.И. *Московская старина*. С. 117.

строится таким образом, что А. активно стремиться вовлечь собеседницу в сферу своих эмоциональных переживаний<sup>30</sup>.

То, что женские и мужские интересы и темы разговоров в семье сильно различались, подтверждает, например, такая реакция книжника с Сухаревского рынка на “женское” событие: “У меня жена родила, где тут Виктора Гюго разыскивать? Не до него теперь, у меня в доме сто баб соплюсь!... Подождите, когда их черт унесет!”<sup>31</sup> Мемуары и этнографические работы, касающиеся жизни среднего и низшего городских сословий прошлого века, писались в основном мужчинами, и это сказалось на том, что женская точка зрения и женские тексты в них почти не представлены. Сохранившиеся тексты или носят на себе печать иронии и осуждения со стороны собирателя, или подернуты флером воспоминаний детства, когда многое не замечается, а некоторые темы табуированы.

Набор сюжетов “женских” лубков напрашивается сам собой: религиозные – причем известно, что каноничность религиозного лубка так же сомнительна, как и предсказания юродивого с точки зрения официальной церкви; лубки с молитвами конкретным святым (например, семи мученикам от трясовичнои болезни); прогностические (гороскопы и гадания) и т.п.; “модные” листы с символикой цвета или значением мундек.

## УЛИЦА И ГУЛЯНИЯ

Более или менее обицами становились семейные и религиозные праздники, гуляния. На семейных праздниках заправляли женщины – главную роль на крестинах, свадьбах, похоронах чаще всего играла пожилая женщина, ведущая обряд: “говорила она иносказательно и все большие текстами; на купеческих свадьбах и поминках играла первую роль и садилась за стол с духовенством”<sup>32</sup>.

Зато всякий выход за пределы дома и двора как бы лишал женщин активного начала. “Ходить одним по улицам не полагалось не только девочкам, но и взрослым барышням, их сопровождали воспитательницы и ливрейный лакей”<sup>33</sup>. Идиллически настроенный М.И. Пыляев в “Старой Москве” сообщает, что в конце XVIII века “в праздничные дни все женщины являлись на улицу – старые садились на скамейках или на завалинках у ворот и судачили, молодые качались на качелях и досках”<sup>34</sup>.

Общественные гуляния, ярмарки и праздники изменяли ритуал поведения. На святки в купечестве позволялось некоторое попустительство в строгости нравов – уехав на тройках в гости, “тятеньки и маменьки тянут мадери или портвейн, а дочки и сыночки танцуют “под чижика кадрель” да пожимают тихонько ручки друг другу, а иной смельчак и поцелуйчик сорвет где-нибудь украдкой”<sup>35</sup>.

Городские праздники уже не вписывались в традиционный годовой круг аграрных обрядов. Они следовали чину православных праздников и постов. До конца XIX века сохранился обряд катания на масленицу, в котором принимало участие почтеннное купечество и дворянство и даже генерал-губернатор Долгоруков. На ритуальный характер этого выезда указывает сохранившееся впечатление о нем одного из очевидцев — “все сидевшие в экипажах, в противоположность пешей толпе, искренне веселившимся и шумевшим, казались мрачными и словно исполняли священный, но тяжелый долг”<sup>36</sup>. В первую неделю Великого поста устраивался “Грибной рынок”, где продавались только постные продукты и не устраивалось никаких зрелищ. Поехать на Грибной рынок считалось каким-то паломничеством; к нему готовились домовитые хозяйки и домочадцы, но на этот рынок не ездили старшие мужчины.

В XIX веке на масленичной и пасхальной неделях гуляния происходили “под Новинским”. В балаганах давали пантомимы батального характера, вроде “Битвы русских с кабардинцами”, а “в совсем маленьких балаганчиках показывались панорамы, диорамы, восковые фигуры, чудовища, дикие люди, обросшие мхом, и даже недавно пойманная в Атлантическом океане рыбаками сирена”<sup>37</sup>. В праздник батальные сцены, зрелище девицы Пастряны, “чудо лесное, пойманное весною” становились ярмарочным развлечением, а в будни эти сюжеты воплощались в лубках.

Во время гуляний шла оживленная продажа лубочных картинок, и сама ситуация народного, общего праздника поддерживала и оправдывала их простоту, непритязательность, искренность. Продавцы лубков в говорливости не уступали балаганным дедам. “Очень громким голосом обращая на себя внимание прохожих, они почти пели:

— Великое божие наказание! Как брат с сестрой обвенчались, как сын у отца оторвал я..., листок, свисток, кресток, книжка, манишка и от бабы самоварная шинька, да полфунта жареной колбасы. И все за двадцать копеек!”<sup>38</sup>.

Так, начиная вроде бы “за здравис” — с божьих заповедей, торговцы завлекали новствованием об инцесте, подиуская непристойность и заканчивая уже полной несусветицей, в результате чего... товар был раскуплен.

Вообще, балаган и балагурство сопутствовали продаже лубков, составляли суть их эстетики: “развешаны были виды разных монастырей, популярных на Руси, и особенно виды Афонской горы, также “Страшный суд”, с огромной зеленою извивающейся змеей.

— Вот, бабушка, все здесь будем, — говорит будочник, затесавшийся под ворота “курнуть”, сгорбленной старушке с котомкою за плечами, слезливо смотрящей на картину.

<sup>36</sup> Давыдов Н.В.  
Москва.  
Пятидесятые и  
шестидесятые годы  
XIX столетия. С. 4.

<sup>37</sup> Там же. С. 44.

<sup>38</sup> Иванов Е.З. Указ  
соch. С. 154.

Старушка поднимает глаза на блюстителя порядка и, вздыхая, говорит:

— И-и-и, где нам, батюшке, бедным, это только в пору вашему благородию.

Народ, всегда во множестве толпящийся под воротами, громко хохочет<sup>39</sup>.

Пыляев приводит пример другой обстановки продажи лубков, правда, пример этот более ранний. “Продавались они в старину у Спасского моста, близ старого бастиона; около них всегда толпилась масса народа. Здесь сидели наши народные слепцы, расписавши Лазаря и Алексея Божьего человека”<sup>40</sup>. Пение духовных стихов, конечно, большее соответствовало лубкам на религиозные сюжеты.

Гуляния, балаганы и лубочные картинки суть проявления эстетики общего праздника. И если народное гуляние было эстетическим синонимом лубка, то говорные фольклорные жанры — функциональным. Они являлись речевым контекстом лубочной картинки, обслуживали ту область знания, в которой было возможно истолкование и понимание картинки. При наличии общего репертуара фольклорных текстов в городе — церковных легенд или преданий о домах с привидениями, которые каждый уважающий себя горожанин обойдет стороной, существовали специфически “мужские” и “женские” тексты.

Различие касалось тем и сюжетов, формы бытования и особенностей построения речи. Мужское высказывание стремится к сюжету, повествованию, монологу, женское — к диалогу, обсуждению, обмену репликами. Разница между “мужским” и “женским” стереотипами коллективного поведения, устными жанрами, по-видимому, должна была отразиться и на бытовании различных типов народных картинок.

---

\*\*\*

---

<sup>39</sup> Богатырев П.И.  
*Московская старина*.  
С. 98.

<sup>40</sup> Пыляев М.И.  
*Старая Москва*.  
С. 316.